

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Апрельской ночью 1931 года в ливерпульском районе под названием Бутль стояла мертвая тишина. Выстроившиеся в строгом порядке вдоль улицы дома ленточной застройки купались в ярком и каком-то противоестественно прозрачном свете луны. Тускло блестели оконные стекла, а входные двери были надежно заперты.

Вокруг не было ни души.

Бульжная мостовая, сверкавшая, подобно ленте расплавленного свинца, между рядами домов, выглядела девственно чистой, словно по ней никогда не ступала нога человека. Повсюду царили тишина и запустение — не было ни следа шумных человеческих созданий, обитавших в этих убогих домишках с двумя комнатами наверху и двумя внизу. Родители и дети, включая новорожденных, иногда теснились в одной маленькой спальне, а бабушка или дедушка делили комнату с подростками или неженатыми либо овдовевшими детьми да осиротевшими дальними родственниками. Зачастую места все равно не хватало, и тогда они перемещались вниз, в гостиную, чтобы улечься на раскладных кроватях или мягких диванах.

Никто из этих людей даже не подозревал о ярком и потустороннем лунном свете, в котором купались их дома и улицы, но, даже зная они об этом, ничего бы не изменилось. Им было не до того: они отсыпались после тяжелого дня или готовились ко дню грядущему.

Мужчины, те, у кого была работа, вкалывали по десять часов кряду в доках или на закопченных, дурно пахнущих фабриках, где от грохота работающего оборудования у них едва не лопались барабанные перепонки, от искр слезились глаза, а едкий дым забивал легкие. Некоторые женщины работали на тех же

фабриках наравне с мужчинами, но, в отличие от них, зарабатывали намного меньше.

А ведь женщинам приходилось вставать раньше всех. С первыми проблесками рассвета они спускались в холодные кухни и подносили спички к скомканной бумаге и сухому спирту, сложенному на холодной вчерашней золе, а потом осторожно подкладывали брикеты угля, пока пламя не разгоралось настолько, чтобы на нем можно было вскипятить чайник для первой за день чашки чая или подогреть воду для умывания.

Прямо за домами текла река Мерси, воды которой отливали тусклым темным серебром, и над ее лентой зловеще нависали силуэты высоких портовых кранов, похожих на черных воронов, ожидавших какого-нибудь незадачливого бедолагу, вынырнувшего из аккуратного леса спящих домов, чтобы наброситься на него и урвать свою долю добычи.

Низкие и толстые, высокие и худые, стояли на страже трубы кораблей, чрева которых были наполовину пустыми (или наполовину полными). Корабли ожидали появления усталых мужчин, которые разгрузят или наполнят их трюмы. Но сейчас лишь набегающие волны медленно раскачивали их корпуса.

И вдруг сонную тишину Чосер-стрит нарушил душераздирающий крик.

В доме под номером два Китти О'Брайен рожала девятого ребенка. Трое ее малышей умерли, появившись на свет на поздней и опасной стадии беременности, — не потому, что ее некогда здоровому телу трудно было вынашивать детей, а потому, что ее муж Том избил ее так сильно, что у нее случились преждевременные роды. Китти исполнилось двадцать восемь лет.

Она пыталась сдержать крик, боясь разбудить и напугать спящих наверху детей. Китти с радостью отдала бы за них жизнь.

Но крик невозможно было сдержать. Он рвался из ее глотки наружу, подобно воде из прорванной дамбы.

«Боже милостивый, как же мне больно! Господи милосердный и всемогущий, сделай так, чтобы боль прошла. Пусть она уйдет!» — Но эти слова звучали эхом лишь в воображении Китти, а не наяву. С усилием повернув голову, она взглянула на распятие, висевшее над каминной полкой, и на статуэтку Девы Марии.

— Пресвятая Дева, Матерь Божья, сделай так, чтобы боль прошла! — выкрикнула Китти, когда очередной жестокий приступ скрутил ее тело.

— Все хорошо, милая. Все хорошо. Не сдерживайся. Ори во все горло.

Тереза Гарретт, кряжистая высокорослая особа, седые волосы которой были уложены под сеточкой жесткими волнами, внимательно рассматривала жуткое месиво, в которое превратились женские органы Китти О'Брайен. Миссис Гарретт не была профессиональной медсестрой. Она никогда не бывала в больнице (разве что кого-то навещала), но несмотря на это считалась лучшей повитухой района, который включал в себя и Чосер-стрит. Если дело обходилось без осложнений, миссис Гарретт могла принять роды у кого угодно, в любое время дня и ночи, ничуть не хуже любого доктора.

Вот только помочь Китти О'Брайен она не могла и прекрасно это осознавала. Всякий раз, когда на свет появлялся очередной ребенок Китти, он буквально выворачивал ее наизнанку, а разрывы так никто и не лечил. Миссис Гарретт не могла зашить их. Китти наотрез отказывалась лечь в больницу, потому что не хотела оставлять детей одних, а ее свинья-муж не желал расставаться ни с одним пенни, чтобы пригласить врача на дом.

Сейчас Том храпел наверху, отсыпаясь после посещения паба. И на Саутер-стрит, домой к миссис Гарретт, прибежал шестилетний Кевин, чтобы сообщить, что у мамы начались схватки.

Миссис Гарретт не брала плату за услуги, разве что потом, когда люди могли себе это позволить, они приносили ей какие-нибудь гостинцы — домашний кекс, десяток целых сигарет или корзинку с фруктами. Повитуха знала, что Китти О'Брайен никогда не сможет подарить ей ничего, что можно купить за деньги, но однажды непременно появится у нее на пороге с вязанным воротничком, перчатками или кружевной салфеточкой, сделанными ею из обрезков одежды и белья, которые жертвовали ей сестры монастыря Святой Анны. Сейчас, например, в кармане миссис Гарретт лежал один из платков, подаренных Китти, аккуратно подрубленный и с чудесной розочкой, вышитой в уголке. Материал для него, скорее всего, был взят из старого

потрепанного чехла или наволочки, а шелковые нити для цветка Китти бережно вытащила откуда-нибудь еще. Это была благодарность за то, что миссис Гарретт помогла ей, когда на свет появился Рори. Это произошло пять лет назад. Повитуха дорожила этими маленькими знаками внимания больше, чем остальными подарками. Она представляла Китти в один из редких спокойных моментов, занятую вышиванием и напрягающую зрение в тусклом свете газового рожка.

Суровое лицо миссис Гарретт смягчилось, когда она опустилась на колени рядом со стонущей от боли маленькой женщиной. В доме не нашлось свободной кровати, на которой Китти могла бы родить. Она лежала на грубых одеялах, расстеленных на полу в кухне у гаснущего очага.

Опытным глазом миссис Гарретт определила, что женщине самое время поднатужиться в последний раз.

— Ну, давай, милочка. Напрягись немножко, и все будет позади.

В дверях кухни неловко переминалась с ноги на ногу соседка, Мэри Планкетт, не зная, куда деться. Кастрюли с горячей водой стояли на плите в полной готовности.

Появилась головка ребенка, на этот раз темноволосая, хотя до сих пор все дети Китти отличались соломенным цветом волос, как у их отца.

Китти вновь застонала.

— Господи Иисусе, помоги мне, — прошептала она.

Сверху донеслись встревоженные детские голоса: «Мам? Мам?», а годовалый Джимми заплакал.

Радуясь, что может оказаться хоть чем-то полезной, Мэри Планкетт поспешила на второй этаж, чтобы успокоить детей.

— Еще немножко, милочка, поднатужься в последний раз.

Миссис Гарретт уже видела личико ребенка. О да, на этот раз у малыша действительно смуглая кожа. И вдруг тельце легко выскользнуло наружу, изрядно удивив повитуху.

— Господи, да ты и впрямь спешишь, — с тревогой произнесла она и после короткой паузы добавила: — Это девочка, Китти, чудесная смугляночка.

Она крикнула:

— Мэри, скажи мальчикам, что у них теперь есть маленькая сестренка, а потом спускайся и помоги мне.

Еще через несколько минут миссис Планкетт обняла Китти за плечи, приподнимая ее и помогая улечься на вторую подушку, чтобы мать могла взглянуть на свою новорожденную дочурку.

Сквозь пелену боли, которая, благодарение Богу, уже уходила, Китти смотрела на длинное гладкое тельце дочери и ее блестящие волосики. Она услышала первый крик малышки, который почему-то всегда казался ей зловещим. Он служил предвестником грядущих страданий, а не благословенным знаком того, что муки только что завершились; он обещал бессонные ночи, боли от режущихся зубок и желудочные колики.

Китти увидела, как миссис Гарретт перерезает пуповину своими большими серебряными ножницами и передает ребенка Мэри, чтобы та обмыла его. Но того, чего ждала Китти, не случилось. Она думала, что после купания цвет кожи ее малышки изменится. Разве не от крови или после родовых усилий шелковистая кожа девочки выйдет такой смуглой? Но нет, светло-коричневый оттенок никуда не делся.

Сердце в груди у Китти забило так сильно и громко, что казалось, вибрация передалась полу, и весь дом затрясся мелкой дрожью. Она вдруг почувствовала, что у нее кружится голова. В ушах у Китти зазвучали слова молитвы, еще более страстной, чем те невысказанные слова, что рвались с ее губ во время родов: *«Господи милосердный, сделай, пожалуйста, так, чтобы я умерла! Святая Дева Мария, сделай, пожалуйста, так, чтобы я умерла сию же минуту!»*

— Эй, что с ней такое? — Встревоженная Мэри Планкетт положила девочку в корзину для белья, которая служила колыбелькой для всех детишек О'Брайенов, и подошла к Китти, чтобы влажным полотенцем вытереть ей лоб. — Думаю, у нее жар. Она вся мокрая от пота.

Миссис Гарретт, осторожно вытиравшая Китти дезинфицирующим средством, пощупала пульс.

— Частит, — озабоченно заметила она.

— Может, вызовем врача?

— Нет, он потребует денег за визит.

— Тогда «скорую помощь»?